

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Наталья Роскина

**Воспоминания
и письма**

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)
Р75

Роскина, Н. А.

Р75 Воспоминания и письма: Сборник мемуаров / Н. А. Роскина. – М. : Агентство ФТМ / RUGRAM, 2021. – 458 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74708-5

Наталья Роскина — автор многочисленных публикаций по русской литературе. У Натальи Роскиной был широкий круг знакомых и корреспондентов, и в своих мемуарах с любовью и заслуживающей уважения прямоотой она рассказывает о детстве и отрочестве, о работе с Корнеем Чуковским и Самуилом Маршакom, и четыре главных главы её жизни о знакомстве с писателем Василием Гроссманом, литературоведом Наумом Берковским, поэтами Анной Ахматовой и Николаем Заболоцким, посвятившим Наталье Александровне «Аметистовых ягод услышал я звон...», «Очарована, околдована...» и другие замечательные стихотворения цикла «Последняя любовь». Сборник сопровождают комментарии дочери Ирины Роскиной, а также глава личных воспоминаний о матери — «Как мы жили».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

BIC FA
BISAC FIC00000

ISBN 978-5-521-74708-5

© Н. А. Роскина, текст, наследники, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ДЕТСТВО И ЛЮБОВЬ

(фрагменты будущей повести)

О, детство! Ковш душевной глуби!

Борис Пастернак

Посвящение

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.

Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового.
Но, видно, рок на время их унес —
И вот теперь встречаемся мы снова.

В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растроченной частицы.

Всех дорогих в тебе я нахожу
И весь тебе — им всем — принадлежу.

(Шекспир, сонет 31)

НАТАША И МАМА

Наташа сидит в своей комнате и рисует. Красный карандаш надоел. Надо бежать к бабушке за синим. Захватив с собой рисунок, Наташа мчится по коридору — вдруг — хлоп — искры из глаз — это мама стремительно открывает дверь ванной, и ручка двери рассекает Наташе скулу.

— Ах, господи! — вскрикивает мама. — Больно, Ежик?

— Ни капельки, — отвечает Наташа дрожащим голосом.

— В коридор выбегает бабушка, хватает Наташу на руки и кричит:

— Да что же это! У тебя уже дочь большая, а ты все, как ребенок! Разве можно так! Больно, Ежик?

Наташа сердито смотрит на бабушку и молчит.

Мама быстро одевает Наташу, и они отправляются «зашивать».

— Не больно будет, Ежик, — говорит мама. — Ты вот зашивала кукле платье, тебе больно было?

— Не было, — отвечает Наташа, чуя подвох. — Ну и что?

— Ну и теперь не будет.

Мама везет Наташу на санках в больницу. Идет снег, вечер, горят фонари; «зачем фонари? — думает Наташа, — погасить их и все равно от снега будет светло» — и устраивается поудобнее в санках.

И вот Наташа уже сидит на белом столике, очень высоком и узком, ей уже зашили рану, было больней чем зашивать кукле платье, но все-таки не очень; и вдруг тихонько, бочком в комнату входит мама — где это она белый халат достала — и с опаской поглядывает на доктора — не прогонит ли он ее?

— Не бойся, мама! — кричит Наташа. — Он хороший!

— Ну, знаете, мамаша, — поворачивается к маме доктор, — я таких детей не видывал, я уже говорил сестре. Можете себе представить, она даже не пикнула!

Мама скромно улыбается. Потом опять едут на санках домой. Бабушка стоит на лестнице, смотрит через перила вниз и кричит:

— Подожди, подожди, Наденька, я сейчас спущусь и помогу тебе с санками! Подожди!

— Ладно, бабушка, — снисходительно говорит ей героиня. — Я тебя тоже люблю.

К нам в гости пришел мой почти дедушка, папин дядя. Поцеловал маме руку, а мама его — в обе щеки. Меня он пощекотал и сказал: «Ну-ка, загляни в мой портфель». А в портфеле было: его докторская трубочка и коробка, а в коробке кукла с закрывающимися глазами!

Он говорит маме: «Ах, Надюша, Надюша. Сколько раз я вам говорил, что вы должны давать Наташе рыбий жир». — «Ох, ради бога, Михаил Львович, не говорите этого при моей маме: она уж и так все меня бранит», — отвечает мама. Но чтобы показать ему, какая она послушная, тут же достает две хрустальные рюмочки и наливает в них рыбий жир. Она, конечно, понимает, что Наташа не из тех, кто станет просто глотать питье, которое называется так противно: жир, да еще рыбий. «Очень вкусно, — говорит мама и, бедненькая, опрокидывает рюмку себе в рот. — Прелесть какая!» — «Вкусно? — спрашивает Наташа и придвигает маме свою рюмку. — Выпей еще!»

Наташа выбегает из школы и летит домой — вдруг кто-то окликает ее. Это мама. Вот хорошо-то! Мама просто шла с работы, даже не знала, что у Наташи кончились уроки, — и встретились. Вот замечательно!

— Пойдем, я тебе пирожное куплю. Какое ты хочешь?

— Я картошку. А ты?

— Мне все равно.

— Вот хорошо-то!

В магазине — стайка ребят, человек пять. Они купили стакан газированной воды и пьют его по очереди, чтобы всем досталось поровну.

— Давай им купим по пирожному.

— Давай!

Мама идет к продавцу и покупает Наташе картошку и еще пять пирожных. Ребята смотрят на нее с удивлением. Вежливо говорят спасибо и каждый берет пакетик, и заглянув в него, заглядывает во все остальные. Тот, у кого оказывается трубочка с кремом, сияет, другие смотрят на него с завистью.

— Надо было всем трубочки купить, — огорчается мама. — Не сообразили!

— Не сообразили! — огорчается Наташа.

Мама и ее подруга Елена Густавовна сидят рядом на диване и тихонько беседуют. Наташа заходит в комнату, будто бы за табуреткой от рояля, а сама слушает разговор.

— Когда мы с Митей ссоримся, — со счастливой улыбкой говорит мама, — то потом никак не можем понять из-за чего.

Наташа никогда не видела, чтобы мама с Митей ссорились. Значит, чего-то еще она не видела. Есть еще какая-то жизнь, скрытая от нее.

Однажды Наташа вбегает в мамину комнату; мама сидит на диване в уголке, опершись на валик, и плачет. Наташа останавливается и на цыпочках выходит, но остается у двери и чуть погодя, заходит снова — мама все плачет. Наташа подходит и осторожно спрашивает: «Мама, что ты плачешь? Не плачь, мамочка! О чем ты плачешь? О чем? Скажи».

— Когда ты будешь постарше, я тебе расскажу.

— Когда сколько лет будет, расскажешь?

— Когда двенадцать будет.

— Двенадцать? Еще четыре года?

Наташа терпеливо ждет.

КАК МОЯ МАМА БЫЛА МАЛЕНЬКАЯ

Я часто расспрашивала маму, как она была маленькая. Про свое детство мама всегда рассказывала весело, но мне почему-то казалось, что все ее обижали и что жилось ей очень худо. Дело в том, что у мамы была младшая сестра, моя тетя — Лида. У нее было двое сыновей, очень разных: старший беспрерывно жевал булку, уткнувшись в книгу (читал он что угодно, лишь бы печатное слово), а младший всячески дразнил его, вертась व्यюном и стараясь грохотать побольше. Наконец, старший Серёжа выходил из себя и с силой опускал на голову Женьке книгу или шахматную доску. Женька громко ревел, вбегала любящая его няня и начинала лупить Серёжу. Затем ревел Серёжа. Потом все стихало, но ненадолго. Мать, при-

выкшая к вечному бедламу в доме, приобрела навык обращения с дерущимися мальчишками, который невольно перенесла и на меня. Она говорила: «Довольно реветь! Немедленно спать! Отправляйся в сад, нечего слушать разговоры взрослых!» — и так далее, всё в повелительном наклонении. Бабушка в душе побаивалась Лиды, необыкновенно ее уважала и когда они вели общее хозяйство, часто повторяла: «Как Лида скажет». Строгий облик Лиды и омрачил для меня мамино детство.

«Когда-то, давным-давно, — рассказывала мама, — бабушка с маленькими дочерьми пошла в кондитерскую. Девочки были чистенькие, с аккуратными косичками, и держали себя примерно. Бабушка купила им по миндальному пирожному и велела стоять у окна, пока она будет делать покупки. Девочки стояли у окна и ели пирожные, а на подоконнике сидела огромная, совершенно рыжая, холеная кошка. Широко раскрыв немигающие глаза, кошка смотрела девочкам в рот. Мама отломил от своего пирожного маленький кусочек и бросила кошке. Кошка съела. Мама была изумлена — никогда в жизни ей не приходилось видеть, как кошки едят миндальные пирожные. Она кинула ей еще кусочек. Кошка опять съела и облизнулась. А Лида жевала свое пирожное и с интересом на все поглядывала. Так, помаленьку, мамино пирожное целиком перешло в рыжее кошкино брюхо. В это время подошла бабушка и сказала, что пора идти домой. Мама стала плакать и просить бабушку, чтобы она купила ей второе пирожное, но бабушка сказала: «А зачем отдала свое кошке?» И всю дорогу домой мама плакала, а бабушка повторяла: «Не надо было отдавать пирожное кошке».

Я слушала это и тоже заливалась горячими слезами.

Еще был с ними такой случай.